

МАРИНА
КРАМЕР

ЧУЖАЯ НОША

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К77

Иллюстрация на переплете *Юрия Щербакова*

Оформление серии *Анастасии Зининой*

Редактор серии *Анастасия Осминина*

Крамер, Марина.

К77 Чужая ноша / Марина Крамер. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-249745-2

На трассе Хмелевск-Осинск одно за другим происходят нападения на водителей большегрузов. Неуловимая банда расправляется с водителями, не оставляя в живых никого. И только в последнем случае в лесу неподалеку находят тяжело раненного водителя. Дело поручают следователю Полине Каргополовой, но для успешного расследования Полине надо сначала разобраться с личными проблемами...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Крамер М., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026
ISBN 978-5-04-249745-2

*Все совпадения случайны,
имена и места действия вымышлены.*

От автора

Кабина большегруза напоминала эпицентр взрыва — внутри все было разворочено, перерыто, нехитрые вещи вывернуты и валяются под колесами. Огромное кровавое пятно на лобовом стекле, брызги на оплетке руля, на приборной панели, на приклеенной к ней фотографии молодой женщины с ребенком на руках...

Полина еще раз окинула взглядом место преступления и взялась за папку с протоколом. Эксперт Зайченко уже закончил осмотр трупа и теперь упаковывал тело широкоплечего мужчины в окровавленной тельняшке и спортивных брюках в черный мешок.

— Отчет завтра, — буркнул он, снимая перчатки, и Полина кивнула.

— Слушайте, а ведь должен быть второй водитель, — вдруг произнесла она, оторвавшись от протокола, и Зайченко пожал плечами:

— Наверняка. Шестой случай — всегда водителей было двое. Но может, этот один ехал, так тоже ведь бывает?

— Лёнчик, а вещи-то в кабине разные по размеру, разве ты не заметил?

— Заметил. Ну и что?

— То есть потерпевший возил с собой комплект одежды, явно не подходящий ему по размеру? И кроссовки, кстати, тоже не его. Второй водитель точно был.

Полина поднялась с раскладного стульчика, одоженного у того же Зайченко, и направилась к курившим у дежурки оперативникам.

— Вадим Григорьевич, надо прочесать лес хоть по краю, — сказала она, обращаясь к старшему.

— Распорядился уже, ждем подмогу из города. Также заметили, что исчез второй водила?

— А вы могли бы и сразу мне сказать, что так думаете.

— А опаздывать не надо на место происшествия.

Полина почувствовала, что закипает — отношения с Двигуновым всегда складывались сложно, они часто работали вместе, но никак не могли делать это мирно. Капитан Двигунов вообще слыл в отделе женоненавистником, а уж женщин-следователей не любил особенно. Полина много раз хотела попросить начальство не давать ей дел, по которым работает его группа, но всякий же раз отказывалась от этой идеи, потому что в профессиональном плане Двигунов был безупречен.

Со временем старший следователь Каргополова сумела выработать в себе умение пропускать колкости и язвительный тон капитана мимо ушей, чтобы не отвлекаться от рабочего процесса.

«Так, стоп! — одернула она себя и сейчас. — Вдох и выдох, медленно... вот так... еще раз... Главное — найти второго водителя, остальное мелочи».

— Сюда смотрите, — Двигунов поманил ее за собой в сторону неглубокой канавки, отделявшей лесополосу от проезжей части. — Видите — вот тут глубокие следы,

ЧУЖАЯ НОША

как будто человек выпрыгнул из кабины и во влажную почву провалился? Четкие следы, похоже на армейские ботинки, протектор характерный.

Полина присела, чтобы рассмотреть следы:

— Ненавижу приезжать на место позже опергруппы... Все приходится дважды осматривать...

— Вам бы водителя сменить, — хмыкнул Двигунов. — Костя ваш вечно все пробки в городе соберет, пока доедет.

— Боюсь, вы правы... Сегодня даже мигалка не помогла, в центре просто какой-то ужас творится.

— Так марафон же весенний, ну? — напомнил капитан, и Полина хлопнула себя по лбу:

— Точно! Мне ведь Лева сказал, когда я выходила...

— Любит наш мэр побегать.

— Ну, традиция-то неплохая, просто очень не вовремя сегодня.

— А чего? Суббота, нормально. Кто знал, что именно сегодня наши волки опять на охоту выйдут. — Двигунов закурил очередную сигарету. — Из фуры, кстати, часть груза пропала.

— А что там было?

— Бытовая техника, мелкая — чайники там, утюги, кофемашины. Надо по документам еще сверить, но визуально не хватает нескольких единиц, это точно — так груз не пакуют, чтобы брешки оставались между коробками, болтаться же будет, — сказал Двигунов, выпуская облачко дыма.

— Надо уточнить.

— Сделаем, — кивнул он. — Так вот... лес прочесывать сейчас начнем, привлекли местную полицию и волонтеров, район большой, сами не справимся.

В общем, мы сейчас двинем своими силами, а помощь подъедет — присоединятся. Если водитель ранен, например, мог далеко и не уйти.

— А могли ведь догнать и добить, если ранен. Они до сих пор не прокалывались и в живых никого не оставляли, — напомнила Полина.

— Их спугнул кто-то. — Двигунов посмотрел на кончик сигареты. — Там, на дороге, след от колес — как будто занесло машину, похоже, кто-то ехал, увидел и поддал газу.

— Плохо, что камер нет...

— Камера тут есть, метров пятьсот не доезжая, можно попробовать отсмотреть машины, проезжавшие здесь, когда примерно было совершено преступление. Ну, плюс-минус час. Не думаю, что ночью здесь был аншлаг, возможно, удастся что-то зацепить.

Двигунов спрятал окурок в металлическую коробку, которую всегда таскал в кармане, вызывая тихие насмешки сотрудников, и повернулся к операм, о чем-то разговаривавшим у машины:

— Ну, что? Пойдем потихоньку? Один налево, другой направо, а я по центру.

Проводив оперативников взглядом, Каргополова вздохнула и вернулась к осмотру места происшествия.

Полина

Четвертый день рождения сына планировали отмечать широко — муж считал, что в этом возрасте ребенок уже способен запомнить то, как происходит празднование, а не только с интересом разбирать гору подарков.

Полина не спорила — ей и самой хотелось устроить Ванечке сюрприз с аниматорами в костюмах его любимых мультяшных героев, с большим вкусным тортом, шариками, друзьями из детского сада и прочими прилагающимися к такому празднику вещами.

«Если бы еще мои подследственные, подозреваемые и свидетели прониклись моими заботами и хоть на пару дней отложили свои дела», — со вздохом подумала Каргополова, выбираясь из машины у здания детского развлекательного центра, где они со Львом решили отмечать день рождения сына. Предстояло выбрать зал, обсудить все с организатором и внести предоплату.

Муж уже ждал ее в холле у зеркала.

— Привет. — Полина чмокнула его в щеку. — Что-то я твою машину просмотрела...

— А я ее на мойку загнал, тут за углом, — объяснил Лев, обнимая жену за талию. — Ну что, идем? Где-то

здесь нас должна ждать девушка Кира со списком всего, что нам предстоит одобрить или отклонить.

В сумке у Полины зазвонил телефон, но она, словно почувствовав, как напрягся муж, не стала отвечать. Ничего особенно важного произойти не могло, она перезвонит позже.

— А Ваню Инна заберет? — спросила она, бросив взгляд на часы.

— Она его возьмет с собой в театральную студию, а я, как здесь закончим, заеду и заберу его.

— Он им там устроит репетицию, — пробормотала Полина, представив, как вертлявый и непоседливый Ванечка носится по сцене дворца культуры между начинающими артистами.

Дочь Инна параллельно с увлечением журналисткой внезапно решила окунуться в мир театра, который давно ее интересовал. Она и в журналистику пошла как раз потому, что мечтала стать театральным обозревателем, но за три года втянулась так, что решила попробовать себя и на сцене. Главных ролей ей пока не давали, но пара второстепенных ей, на довольно предвзятый взгляд Полины, определенно удались. Ее очень радовало, что дочь вместо обычных «радостей» подросткового возраста занята делом, успевает неплохо учиться и даже помогать родителям с заботами о младшем брате.

«Если бы не Лёва, — думала Полина, шагая вслед за мужем по лестнице на второй этаж. — Если бы не он, у меня никогда ничего не получилось бы. Определенно я не смогла бы разорваться между работой и двумя детьми... Да что там — я и Ванечку бы не родила, если бы не Лёва. Какой мужчина согласится сидеть с годовалым ребенком и работать из дома, чтобы жена могла

ЧУЖАЯ НОША

продолжать работать на следствии? А мои ночные отлучки, мои командировки? Если бы не Лёва...»

Она так увлеклась, что не заметила, как муж остановился, и влетела прямо в его спину.

— Опять задумалась? — хмыкнул он, оборачиваясь, и Полина виновато посмотрела ему в лицо:

— Да...

— Сложное дело?

Каргополова только махнула рукой:

— Не хочу про это вообще... Топчемся на месте, а дальнбойщиков убивают... Все, Лёва, мы пришли организовать ребенку праздник, давай этим и займемся. Вон, кажется, и Кира. — Она кивнула в сторону приближавшейся к ним высокой девушки в широких джинсах и распахнутом коричневом пиджаке. На ее шее болтался на длинном шнурке бейдж с фотографией и именем, написанным яркими крупными буквами.

— Добрый вечер, — приветливо поздоровалась девушка, прижав к груди темно-синий планшет. — Меня зовут Кира, я организатор праздников. А вы, видимо, Лев и Полина, родители Ивана, которому через неделю исполнится четыре года?

То, что она произнесла все три имени, даже не заглянув в планшет, как-то сразу расположило Полину к ней.

— Да, это мы, — ответил Лев, рассматривая девушку.

— Отлично. Тогда я вам расскажу, что мы предлагаем в подобных случаях, а вы сможете что-то выбрать, а от чего-то отказаться, — предложила Кира. — Давайте присядем вот сюда. — Она показала на мягкий уголок с журнальным столиком, на котором стоял поднос с чашками и стаканы для воды. — Чай, кофе, минералка?

Полина отказалась, улыбнувшись:

— Еще чашка кофе — и я превращусь в вечный двигатель.

Телефон в сумке снова зазвонил, но Полина опять проигнорировала, внимательно слушая то, о чем начала рассказывать Кира. Лев коротко глянул на жену, но та никак не отреагировала.

Определившись с набором услуг и записав все, что требовалось от них как от родителей, Полина с сожалением поднялась из удобного кресла:

— Лёва, ты предоплату внесешь? Я пойду машину заведу.

— Да так и скажи, что перезвонить нужно, — рассмеялся он, тоже вставая. — Иди, лови своих преступников.

И Полина заметила, с каким интересом на нее посмотрела девушка Кира.

Выйдя на крыльцо, Каргополова вынула сигареты и зажигалку, но, вспомнив, что стоит у детского учреждения, быстро сунула все в карман пальто и пошла к парковке, завела двигатель и достала телефон. Оба пропущенных звонка оказались от капитана Двигунова, оперативника, работавшего с ней по делу об убийствах дальнобойщиков на трассе Хмелевск — Осинск.

Полина набрала номер и почти сразу услышала недовольный голос:

— Вам, Полина Дмитриевна, мобильный зачем? Чтобы чехольчики на нем менять?

— Вадим Григорьевич, у меня после работы могут быть какие-то свои дела, — огрызнулась она. — А кроме того, могли бы за столько лет заметить, что я на телефон чехлы вообще не надеваю.

— Согласен, прокололся, — признал Двигунов хмуро. — Но суть не в том. Вы от комитета далеко?

ЧУЖАЯ НОША

— А что?

— Возвращайтесь. Мы, кажется, их все-таки вычислили.

— Кого? — не поняла Полина.

— Тех, кто дальнобоев на трассе потрошит.

Она почувствовала, как закололо в кончиках пальцев — так всегда случалось в ситуациях, требовавших ее немедленного вмешательства. Это было то самое дело об убитых на трассе дальнобойщиках, количество которых увеличивалось с ужасающей скоростью, а зацепок так и не появлялось.

Повезло только в последнем, как надеялась Полина, случае — они все-таки нашли в лесу тяжело раненного водителя, но допросить его как следует сразу не удалось, а по дороге в больницу он впал в кому и до сих пор так и находился в отделении реанимации. Единственное, чего смогла добиться от него там, в лесу, Полина, — это пара отрывистых фраз с информацией о присутствии в банде молодой девушки и высокого, плотного мужчины с обритой наголо головой и длинным шрамом на левом виске. Но это было все, что с огромным трудом выдавил раненый дальнобойщик, прежде чем потерять сознание.

Только сегодня она получила очередной выговор от начальства за слишком медленно продвигающееся расследование — и вдруг Двигунов с такой новостью. Подозреваемые, которых они так тщательно вычисляли и разрабатывали почти полгода, неожиданно где-то мелькнули, и, возможно, их даже удастся задержать. Да что там — удастся, их просто необходимо задержать.

— Я еду, — коротко сказала Полина и, сбросив звонок, тут же перезвонила мужу: — Лёва, извини...

Но тот перебил:

— Я понял. Ты надолго?

— Не знаю, — честно призналась Полина, садясь за руль. — Двигунов туманно сообщил, что известно место, где могут быть подозреваемые, в общем, как пойдет...

— Я понял, — еще раз повторил Лев. — Я за Иваном и домой, Инка сама приедет. Не волнуйся, делай, что должна.

Бросая телефон на сиденье, Полина почувствовала, как защипало в носу — в очередной раз, когда работа отрывала ее от каких-то мирных, домашних дел, муж спокойно брал все на себя, не высказывая никаких претензий, и она ощущала острое чувство благодарности за понимание и поддержку. Так было всегда — Лев совершенно естественно принимал ее работу и связанные с этим трудности в жизни, он не считал возможным поставить жене ультиматум и заставить выбрать между семьей и карьерой.

— Я не понимаю, почему именно ты должна выбирать — дом или работа? — всякий раз говорил он, если Полина заводила разговор на эту тему. — Мы оба получили образование, оба нашли ту работу, которую хотели. Но почему именно ты должна отодвинуть все это на второй план ради семьи? Почему это не могу быть я? Только потому, что «у людей так не принято»? Нам с тобой эти люди чужие, да и близким я не позволю критиковать мой образ жизни. Кстати, мне даже удобнее — моя работа позволяет делать ее из дома. Так что прекрати терзаться и работай спокойно. Эти дети и мои тоже, если помнишь.

Полина прокручивала его слова в голове и приходила к выводу, что муж прав, хоть его взгляд на се-

ЧУЖАЯ НОША

мейную жизнь и распределение в ней обязанностей очень отличается, например, от взглядов мужа ее сестры-двойняшки Виталины. Нет, Степан Витку любил, много помогал, но основные заботы о семье, доме и детях лежали все-таки на Виталине. Она ухитрялась еще и Льву помогать в то время, когда Ваня был совсем маленьким, а Полина вышла на работу.

Но сейчас ей необходимо было выбросить из головы все, что не касалось расследуемого дела, и сосредоточиться на мелочах, из которых нужно будет делать какие-то выводы. Потому что ничего, кроме этих самых мелочей, в деле дальнобойщиков не было. Шесть случаев нападения, одиннадцать трупов и один уцелевший, но в коме — и страшные истории, распространявшиеся в городе и окрестностях с космической скоростью. Но при этом совершенно никаких зацепок, никаких версий и подозреваемых, кроме лысого мужчины со шрамом на левом виске и молодой девушки. Даже словесного портрета составить не получилось.

Полина понимала, что дело вот-вот зависнет, а если убийства не закончатся, ей лично точно не поздоровится, начальник уже намекнул сегодня. Но собственные грядущие неприятности заботили ее мало, волновало то, что могут появиться новые убитые.

В здание комитета она буквально вбежала, заметив в холле чуть ссутуленную мужскую фигуру в коричневой мешковатой куртке — это Двигунов только что миновал турникет. На ходу показав дежурному удостоверение, Полина догнала оперативника:

— Вадим Григорьевич!

Он развернулся:

— Быстро вы. Я думал, придется ждать.

— Я была не очень далеко. У сына день рождения, выбирали место...

— Ну, извините, что оторвал.

— Да не в этом дело, — с досадой отмахнулась она, отмыкая кабинет. — Рассказывайте лучше, что случилось.

Двигунов уселся за стол, вынул блокнот, открыл и, проведя по стигбу кулаком, пробормотал:

— Было бы хорошо, если бы это оказалось то, что нам надо.

— То есть? — Полина успела снять пальто и убрать его в шкаф и теперь пыталась стянуть с шеи длинный шелковый шарф, зацепившийся сзади за застежку цепочки. — Черт...

— Давайте помогу. — Двигунов поднялся и, обойдя Полину, отцепил ткань шарфа.

— Спасибо. Так что вы имели в виду?

— Помните, ориентировки рассылали по всем придорожным кафе, базам отдыха и мини-отелям, которые расположены по трассе Хмелевск — Осинск?

Полина только скривилась — какие там ориентировки... «Бритый наголо широкоплечий мужчина, возраст 30–40 лет, на левом виске шрам». Очень призрачная надежда на то, что кто-то обратит внимание, да и надень подозреваемый шапку или бейсболку — и все.

— А вот лицо вы такое зря сделали, — заметил капитан. — С базы отдыха «Озеро Синее» позвонила администратор. Сегодня в два часа к ним на пять дней заселилась компания, в которой как раз и обнаружился мужчина со шрамом на виске. Я отправил туда Лисина, пусть покрутится денек-другой, пока мы соберемся и бумажки получим нужные.

ЧУЖАЯ НОША

— А если это совершенно не те, кто нам нужен?

— Я ведь сказал — Лисин там, он опер хороший, посмотрит-послушает. Последнее нападение было неделю назад, значит, они пока не планируют новую операцию, деньги есть. Скорее всего, заехали отдохнуть, расслабиться.

— Если это они, — упрямо давила Полина, понимая, чем обернется для нее обыск на базе отдыха в случае, если они с Двигуновым ошибутся и компания окажется просто обычными отдыхающими.

— Ждем звонка от Захара.

Захар Лисин перевелся в отдел Двигунова полгода назад откуда-то из Осинска, был неразговорчив, ни с кем близко не сходил, зато почти сразу показал себя хорошим профессионалом. Полине нравилось работать с ним, Захар умел подмечать такие мелочи, которые сразу не бросались в глаза, а на них иной раз строилось все дело.

— Хорошо, ждем, — вздохнула она. — Но что-то мне подсказывает...

— Ой, бросьте, Полина Дмитриевна, — отмахнулся Двигунов. — Почему вам всегда нужно сомневаться?

— Да потому, что в сомнениях истина и рождается, — пошутила Полина. — И потом — лучше всегда быть готовой к тому, что план не сработал, и иметь запасной.

— А я почти уверен, что ваш запасной план, которого, кстати, наверняка еще нет, не понадобится в этот раз.

— Хорошо бы... хорошо бы... — пробормотала Каргополова, не совсем согласная со словами оперативника.

Анфиса

Сколько себя помнила, Анфиса была старшей. Старшей сестрой, старостой класса, потом старостой сперва группы, а затем курса в институте. И это влекло за собой определенные обязательства, которые порой приносили больше проблем, чем пользы.

«Анфиса у нас гиперответственная, — любил пошутить отец. — Если ее попросить что-то сделать, она всегда сделает чуть больше, чем нужно».

На самом деле она просто стремилась сделать жизнь других людей удобнее — в меру своих сил.

Родители работали — папа преподавал психиатрию в медицинском институте, мама заведовала отделением в одной из психиатрических клиник, люди они были очень занятые, и все заботы о младшей сестре автоматически ложились на Анфису. Восемилетняя разница в возрасте дочерей позволяла Тамаре Андреевне не беспокоиться о том, накормлена ли младшая, забрали ли ее из детского сада, а позже — из школы.

Анфиса успевала все — отлично учиться, участвовать во всех классных мероприятиях, присматривать за Олесей, содержать в чистоте большую квартиру и даже готовить ужины на всю семью. Кроме того, она очень любила читать, хотя на это хобби почти не оставалось времени. Но Анфиса выкручивалась — читала по ночам, зачастую жертвуя сном ради интересной истории.

Второй ее страстью было фигурное катание — не просмотр соревнований по телевизору, а возможность скользить по льду катка самостоятельно. Кататься она научилась лет в пять, сама, на хоккейной коробке за домом. Но даже в любительскую секцию ее не взяли —

ЧУЖАЯ НОША

ростом и комплекцией Анфиса пошла в родню отца, где все женщины были крупные, видные, и в пять лет она запросто сходила за восьмилетку. На просмотре тренер только головой покачала и, отведя Тамару Андреевну в сторону, долго что-то объясняла, а Анфиса, внимательно следившая за выражением лица матери, четко поняла, что ее не возьмут.

— ... да, она катается, а не стоит на коньках, как большинство, но вы ведь понимаете — генетика... ее не обманешь. Ваша девочка просто не пройдет по параметрам, ей никогда не выиграть даже любительского турнира с такими данными, — услышала Анфиса и, вместо того чтобы разрыдаться, что было бы нормально для ребенка ее возраста, подошла и взяла мать за руку:

— Пойдем, мама. Я уже не хочу быть фигуристкой.

Тамара Андреевна обескураженно последовала за дочерью к выходу и все ждала, когда же Анфиса заплачет. Но — нет. Уже в пять лет Анфиса Жихарева приучила себя не показывать эмоций никому, а уж публично размазывать по лицу слезы считала делом постыдным.

...Ночью, проснувшись от жажды, она пошла в кухню и, пробегая на цыпочках мимо спальни родителей, вдруг услышала, как мама говорит папе:

— Лёня, я до сих пор не могу отделаться от этого чувства. Меня словно не пятилетний ребенок за руку взял, а умудренная жизнью тетка... Это было так страшно... она ведь совершенно по-взрослому отреагировала, да что там... не каждый взрослый бы так смог. Она же так хотела быть фигуристкой — и вдруг...

— Томочка, у нашей дочери иначе работает мозг. Она умеет здраво оценивать свои шансы — что в этом

плохого? Ну, была мечта, но она разбилась под влиянием обстоятельств непреодолимой силы, понимаешь? Анфиса никогда не будет хрупкой и воздушной, и, к счастью, ее это пока не беспокоит. Главное — не взрастить в ней комплексов по поводу внешности.

Вернувшись в свою комнату и совершенно забыв о мучившей жажде, Анфиса забралась под одеяло и принялась обдумывать то, что услышала. Придя к совершенно недетскому выводу о том, что есть вещи, не поддающиеся ее контролю, такие, как, например, рост или ширина плеч, она впоследствии сумела избежать подростковых комплексов и сопровождающих это неприятностей в виде расстройств питания, нарушений психики и тому подобного. Собственная внешность не была для Анфисы «не такой» — она научилась принимать и любить себя, попутно выставив на первый план достоинства, за которые ее любили и ценили. И отбоя от поклонников у нее не было никогда.

Институт она тоже выбрала такой, чтобы не разочаровать родителей — подала документы в медицинский и без проблем выдержала приличный конкурс. Отец, кстати, сразу сказал, что даже пальцем не пошевелит, чтобы помочь, — у него был принцип никогда не протаскивать своих и «блатных». Но по поводу поступления дочери ему можно было вообще не переживать, Анфиса училась прекрасно, окончила школу с медалью, имела максимальные баллы, потому, конечно, поступила.

Праздника по этому поводу в семье не было — все прошло так, как должно, словно никто не допускал даже мысли о том, что Анфиса может провалиться. Это был единственный раз, когда Анфиса испытала что-то